

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ МЯСИЩЕВ (ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧЕНОМ)

Познакомился я с проф. В.Н. Мясищевым, чьи работы я давно знал и очень высоко ценил, в период защиты моей кандидатской диссертации: он был у меня официальным оппонентом.

Владимир Николаевич оказался простым, очень доброжелательным и удивительно деликатным человеком, с такой петербургской “наследственностью”, сквозь которую четко, но ненавязчиво проступала покоряющая интеллигентность и уважение к собеседнику.

О себе В.Н. не любил рассказывать, я же стеснялся его расспрашивать, о чем потом очень жалел. Некоторые факты его биографии всплывали попутно в разговоре о каком-либо событии или упоминании о коллегах, их работах. Так я узнал, что родился он в Латвии, в г. Елгаве, образование получил в Цюрихе, где почти одновременно занимался на медицинском и юридическом факультетах. Кроме того, он успешно обучался игре на фортепиано, вероятно, в специальном колледже, и в молодости выступал в концертах до того времени, пока, примерно в двадцатилетнем возрасте, как он вспоминал при мне, не “переиграл” руку, работая над четвертой балладой Шопена. Нужно заметить, что такие заболевания (их называют профессиональными) и в наше время излечиваются с большим трудом: после многолетнего перерыва, лишающего музыканта возможности заниматься профессией, болезненные ощущения постепенно ослабевают и проходят. Так случилось и с В.Н., который долгие годы не играл, но в конце 60-х гг., когда я приходил к нему домой, то слышал за дверью красивое мягкое звучание медленных частей фортепианных сонат Бетховена, очень трудных для исполнителя.

Из отрывочных бесед я узнал, что Владимир Николаевич всю блокаду оставался в Ленинграде на посту директора Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. С трудом представляю себе, как он пешком преодолевал расстояние в 6–7 километров от площади Льва Толстого на Петроградской стороне, где жил, до отдаленного квартала в районе проспекта Обуховской обороны (там находился институт им. Бехтерева).

Проф. Мясищев хорошо владел английским, французским и немецким языками: часто я видел на его рабочем столе в институте свежую стопку авторских оттисков статей, извещений, пригла-

шений и программ различных иностранных симпозиумов на этих языках.

Владимир Николаевич внес огромный вклад в развитие медицинской, психологической и педагогической науки. Он был прекрасным теоретиком и клиницистом в области неврозов. Научный анализ его теоретической, педагогической и организаторской деятельности еще ждет своих исследователей.

Основной научной проблемой, которую он разрабатывал до конца жизни, была проблема отношений как важнейшей единицы психических свойств и состояний личности, лежащих в основе всей жизни и деятельности человека: с одной стороны, отношения определяют психическую форму отражения окружающего мира человеком, вместе с тем взаимоотношения с другими людьми в процессе общения и деятельности развивают и обогащают самого человека.

В своем главном труде “Личность и неврозы” он писал: “Наши многолетние исследования позволили установить, что важнейшей характеристикой личности является система ее сознательных жизненных отношений как в норме, так и патологии” [8, с. 3]. При этом отношение, писал он, возникает только там, где есть субъект и объект. Таким объектом часто оказывается другая личность, поэтому самые важные и содержательные отношения складываются в межличностном взаимодействии. Более полная характеристика отношений дана автором в следующем определении: “Психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности” [8, с. 63].

Владимир Николаевич придерживался двупланового строения и функционирования психики – потенциального и процессуального. К потенциальному он относил такие качественные особенности личности, как ум, талант, характер, способности; к процессам – деятельность, мышление, переживание, причем, их функционирование – всегда диалектическое единство, при котором “о потенциале можно судить по его реализации в процессе, сам же процесс внутренне определяется характером потенциала” [8, с. 29].

Приведу основные пункты, аргументирующие методологическое значение отношений для жиз-

ни и деятельности человека: 1) подход к человеку с позиции отношений решительно преодолевает разрыв формы и содержания, разрыв процесса и предмета психической деятельности, так как отношение не может рассматриваться без объекта; 2) отношение человека зависит от воздействий внешнего мира, основывается на накопленном опыте и выражается избирательностью реакций и воздействий на предметы окружающей действительности; 3) рассматривая отношения человека как продукт его индивидуального опыта психология идет по пути подлинно генетического для человека общественно-исторического исследования; 4) человека нужно изучать в целом, так как относиться может не часть человека, не отдельные процессы в человеческом организме, а весь человек как сознательный индивид; 5) рассмотрение человека в системе его отношений к действительности, основанное на системе общественных отношений позволяет правильно охарактеризовать человека как личность, то есть "общественную индивидуальность, а не только биологическую особь" [8, с. 134–135]. Это показывает также, что возникновение и функционирование познавательной и трудовой деятельности в немалой степени зависит от интереса к ним и пристрастного отношения к ее результатам. Все это говорит о том, что проблема отношений в психологии имеет основополагающее научное и философское значение. Однако она не получила еще должного развития в нашей науке.

Между тем отношение, как ничто другое, выражает психическое содержание личности, поскольку отражает всевозможные оттенки взаимодействия субъекта и объекта. Ни животное, ни самый совершенный компьютер не обладают таким важнейшим свойством, как отношение. Во втором варианте книги "Личность и неврозы" психическая деятельность человека в норме и патологии была рассмотрена с учетом доминирующего значения проблемы отношений. С этих позиций более подробно интерпретировались познавательные процессы и другие более сложные психические особенности личности – характер, темперамент, способности.

Значимость понятия отношений особенно рельефно выступает при сравнении человека с компьютером. Как известно, некоторые операции, сходные с психическими, компьютер выполняет лучше и скорее человека. Так, по количеству запечатленного материала, точности воспроизведения, длительности хранения и готовности памяти запоминающие устройства превосходят человеческую память. Но у компьютерной памяти нет ситуативной реакции и адекватного отношения к изменяющимся событиям, нет индивидуальной избирательности ни при запоминании, ни при воспроизведении. Сведения, выдаваемые компьютером, нейтральны, бесстрастны, монотонны и бе-

задрены, избирательность поиска и выводов лишены важнейшего эмоционального отношения, органически присущего человеку и столь ярко выраждающего индивидуальность личности. К тому же человеческая память в высшей степени связана с интересами и мотивами деятельности, которые выражаются в отношении к ней. Это в такой же мере относится к мышлению, воле, воображению и другим сложным проявлениям человеческой психики. Вероятно, в будущем станут возможны и такие достижения в технике, при которых возможно запрограммировать и эмоциональные реакции, но тогда будет создан давно лелеемый фантастами искусственный двойник человека, едва ли нужный гуманистически ориентированному человечеству. К тому же человеческая память всегда является своеобразной автобиографией конкретной личности, составляющей ее сущность, которую, как указывал академик Колмогоров, можно смоделировать, если усвоить весь путь, пройденный человечеством.

Применение психологического свойства отношений к различным проявлениям психики делает бесполые психологическую и педагогическую науки более полными, объективными и человеческими, дополняя их такой важной особенностью, как половой диморфизм, неустранимый из человеческой сущности. Система отношений, безусловно, связана и с возрастными изменениями в процессе созревания, обучения и развития личности. Подход с позиции отношений к психологической совместимости и вообще к пониманию межличностных отношений позволяет более глубоко проникнуть в интимные и социальные проблемы дружбы и вражды, любви и ненависти, толерантности и нетерпимости, проблемы межнациональных отношений, которые в последние годы сотрясают многие государства и выливаются в эпидемию суверенитетов и территориальные притязания.

Склонность как сложное психофизиологическое образование, проявляющееся в тяготении к определенному виду деятельности, а вместе с ней тенденции к формированию определенных способностей, впервые наиболее четко и определенно была выделена Мясищевым. Он многократно касался взаимосвязи склонностей и способностей в своих работах и выступлениях и подчеркнул это в утверждении: "склонность идет как бы впереди способности и таланта" [13, с. 4]. Она представляет собой движущую силу развития способностей и это не что иное, как "избирательно-положительное отношение к деятельности", более или менее стойкая потребность в определенном виде деятельности [13, с. 8]. Такое малоисследованное явление, как призвание, теснейшим образом связанное с формированием способностей, будет еще долго оставаться на уровне описательного эпифеномена психологии. Во второй редакции

книги "Личность и неврозы" кроме познавательных процессов рассмотрены были темперамент, способности, патологические изменения отношений к себе и окружающим. В работе есть мысли, звучащие афористически: "Мышление холодное, бесстрастное не является двигателем человеческого поведения – им является мышление страстное, но не пристрастное, уводящее в сторону от истины" [8, с. 207].

В каждом психологическом факте, подчеркивал Мясищев, можно обнаружить интеллектуальное, эмоциональное и волевое начало. Выпадение какого-либо звена из этой триады придает психической деятельности патологический характер: таковы слепая ярость, слепая страсть, лишенные разума; такова патологическая эмоциональная тупость или абулическое мышление. В заключение В.Н. пишет, что "изложенное позволяет утверждать, что исследование всех сторон психической деятельности настоятельно требует теоретической и эмпирической разработки понятия отношений человека. Между тем в существующей психологической литературе пользуются этим понятием как тривиальным, известным и понятным, применяя его без должного теоретического и критического анализа. Поэтому как и всякое другое психологическое понятие оно может быть применено в ненаучных целях" [8, с. 134].

Из бесед с Владимиром Николаевичем мне известно, что он вынашивал идею написать работу, где вся психическая деятельность рассматривалась бы под углом зрения психологии отношений. К сожалению безвременная кончина не дала ему возможность осуществить этот замысел.

Мясищевым написано свыше 260 статей и крупных монографий. Одной из первых работ была книга А.Ф. Лазурского "Классификация личностей", которая обязана своим появлением Владимиру Николаевичу и М.Я. Басову, проделавшим большую работу по редактированию и подготовке ее к печати. В 1939 году в сборнике "Психологические исследования Государственного института по изучению мозга им. В.М. Бехтерева (том IX)" были опубликованы результаты исследования кожногальванической реакции человека [7], защищенные в 1944 году в качестве докторской диссертации.

В конце 50-х–начале 60-х гг. в соавторстве с А.Г. Ковалевым был создан фундаментальный труд "Психические особенности человека", первый том "Характер" (1957) и второй "Способности" (1960) [5]. Мясищев является составителем и ответственным редактором крупных сборников "Склонности и способности" (1962) и "Проблемы способностей" (1972). Но, конечно, основная его работа "Личность и неврозы" (1960 г.), ставшая настольной книгой психиатров и психологов. Незадолго до своей кончины им было подготовлено

к печати второе переработанное и несколько расширенное издание этой книги, которая из-за бюрократических проволочек и некомпетентности редактора так и не увидела свет.

* * *

Еще при первой нашей встрече Владимир Николаевич проявил большой интерес к проблеме музыкальности и спросил о моем отношении к ней. Я высказал свои соображения, подкрепленные примерами из собственного музыкально-педагогического опыта и моих коллег, из которого следовало, что сформировать музыкальность у малоспособных учащихся не удается, ее можно только развить и углубить в определенном стилевом отношении: подчеркнуть лирическую, виртуозную или трагическую сторону исполнения. Ответы на эти и другие вопросы по теме диссертации, по-видимому, удовлетворили В.Н., так как к концу встречи он написал на стандартном бланке свое согласие на оппонирование. На вопрос, чем я буду заниматься после защиты, я ответил, что очень хотел бы выявить объективную, а не только вербальную, реакцию слушателей на музыку с помощью хороших приборов, например, электроэнцефалографа.

Защита происходила в конце июня, и я никак не думал, что этот мимолетный разговор будет иметь какие-то последствия. Но здесь я очень приятно ошибся, так как еще не знал Владимира Николаевича, его обязательности и внимания к людям. В середине сентября неожиданно раздался телефонный звонок, и В.Н. пригласил меня принять участие в юбилейной научной конференции психологической секции Ленинградского университета. А еще через некоторое время после выступления он также неожиданно для меня предложил провести в Институте им. Бехтерева психологическое исследование влияния музыки на человека с помощью электроэнцефалографа. Когда мы приступили к исследованию влияния музыки на человека, оказалось, что методики проведения электроэнцефалографических исследований такого типа нет. В работах французского ученого Р. Франсе 1958 года [15] и немецкого клинициста Христофа Швабе (1972) [16] методики ЭЭГ исследований (намного ограниченнее по своим задачам) для нашей цели были явно недостаточны. Поэтому на выработку методики и отбор музыкального материала у нас ушло свыше года. На 29 взрослых испытуемых различных немузикальных профессий были проверены 5 методик записей ЭЭГ, установлен порядок чередования звучащих отрывков, их записей и проверена реакция испытуемых на 15 музыкальных отрывков классической и авангардистской музыки. Была также составлена анкета для опроса испытуемых. Для основных исследований отобрали 4 малому-

зыкальных, 4 среднемузыкальных и 4 очень музыкальных испытуемых. В результате этой предварительной работы Владимир Николаевич одобрил порядок, при котором записывалась фоновая активность мозга, с которой сравнивались все последующие записи, и три отрывка разного стиля из четырех отобранных (каждый раз один отрывок был сменным), затем проводился протоколируемый опрос испытуемого. Кроме записи ЭЭГ во время звучания музыки, после каждой регистрации записывались еще 3 постфона, так как оказалось, что реакция на музыку не прекращается сразу, а продолжается еще некоторое время после выключения магнитофона.

Владимир Николаевич охарактеризовал эти исследования как уникальные, так как удалось зафиксировать осознаваемую и неосознаваемую реакции на фальшь у маломузыкальных испытуемых, экстремальную реакцию на авангардистскую музыку П. Булеза, которая выразилась в лихорадочном ознобе, приведшем к артефактам на всех 14 каналах электроэнцефалографических записей.

По характеру реакций нами были установлены 3 типа испытуемых: первый характеризуется отчетливо выраженным, устойчивым и высокомощным альфа-ритмом, достигающим 50–70 мкВ в затылочных, теменных и центральных отведениях и 30–40 мкВ в лобных и височных. По данным ЭЭГ, он слаботормозим и легко восстанавливается еще в процессе музыкального воздействия. Психовегетативные реакции – не глубокое дыхание, несколько аритмичная ЭКГ и отсутствие спонтанных колебаний кожногальванической реакции. Испытуемые этого типа характеризуются спокойными движениями, размежеванной речью, замедленными реакциями в общении и уравновешенностью в поведении.

По показаниям таких испытуемых, понимание, переживание и усвоение незнакомой музыки требует повторных восприятий.

Для испытуемых второго типа характерны неустойчивые и нерегулярные колебания альфа- и бета-ритма с низкоамплитудными волнами на всех, в том числе и затылочных, наиболее лабильных областях мозга. Психовегетативные показатели также неустойчивы: дыхание не очень ритмичное, ЭКГ с учащенным пульсом, наблюдается лабильность КГР. Представители второго типа склонны к быстроте движений, им свойственна экспрессивность речи, общая подвижность и живость. Реакция как на знакомую, так и незнакомую музыку непосредственна. Она, по свидетельству испытуемых, почти не изменяется от повторного прослушивания. Большинство испытуемых не очень четко распределяются по разным показателям, приближаясь в первому или второму типу, поэтому они отнесены нами к смешанному

типу. Возможно, что на более совершенной аппаратуре¹ можно было бы у испытуемых смешанного типа выявить более дифференцированные типы и подтипы.

Выяснилось, что психофизиологические типы не коррелируют с одаренностью: мало-, средне- и очень музыкальные принадлежат к различным типам.

Результаты ЭЭГ исследований, которые проводились в течение двух с половиной лет, опубликованы в журнале "Вопросы психологии" [9], а совместные исследования и регулярные встречи с В.Н. Мясищевым продолжались шесть с половиной лет. Из тем музыкальной психологии больше всего обсуждалась проблема музыкальности, подытоженная в указанных выше статьях "Что есть музыкальность?" [10] и "Проблема музыкальных способностей" [11].

Неизменный интерес у В.Н. вызывали биографии В. Моцарта и С. Прокофьева, сочинявших музыку с 5 и 8 лет. "Как они могли в этом возрасте так усвоить музыкальную культуру, чтобы профессионально сочинять музыку?" – поражался Владимир Николаевич.

Записи ЭЭГ показали, что наиболее четко влияние музыки фиксируется в вегетативных реакциях – ЭКГ (электрокардиограмме), ПГ (пневмограмме) и особенно в КГР (кожногальванической реакции), крупнейшим специалистом которой был В.Н.

Известно, что произвольно почти невозможно вызвать у себя эмоции радости, печали, гнева, преднамеренное возникновение которых затруднено. Меня эта проблема волновала в связи с теснейшей связью эмоций с любым видом музыкальной деятельности. Однако их фиксация представляет большие трудности. При обсуждении с В.Н. этой проблемы он заметил, что в состоянии гипноза эта задача может значительно облегчиться. По его предложению была организована исследовательская группа, в которую вошел психотерапевт, владеющий гипнозом, специалист-лаборант для записи ЭЭГ и сотрудник института, который регистрировал артериальное давление. Первый тест – естественная, непреднамеренная реакция на музыку, под гипнозом внушалось положительное и отрицательное отношение к одной и той же музыке. Запись протокола и опрос всех испытуемых были поручены мне. Были приглашены 29 испытуемых, успешно излечившихся от невроза, и контактировавшие прежде с психотерапевтом. После введения в гипнотическое состояние им внушались перечисленные выше эмоции, велась запись ЭЭГ и фиксировались данные кровяного давления; девятым и десятым тестом

¹ Эксперименты проводились на французском электроэнцефалографе "Альвар" выпуска 1970 года без автоматической приставки для анализа.

было восприятие музыки Грига "Утро". В результате этой серии испытаний были получены очень интересные данные, подтвердившие важнейшую роль установки, преднастраивающей восприятие. К сожалению, по ряду причин объективного характера эти исследования не были завершены и поэтому их итоги были опубликованы только частично.

В 1972 году В.Н. предложил мне собрать коллектив авторов для сборника "Роль музыки в эстетическом воспитании детей и юношества". Были привлечены философ-эстетик, канд. философских наук А.А. Фарбштейн, известный музыкальный деятель С.С. Ляховицкая, музыканты, кандидаты искусствоведения Н.И. Жемчужина, П.В. Халабузарь, В.Ф. Судаков, педагоги ДМШ Н.В. Галич и И.Г. Инживитова. В сборник вошли совместная с В.Н. и собственная статьи. К сожалению, при жизни Владимира Николаевича этот сборник не удалось опубликовать. Очень долго пришлось его "проталкивать", и только через 9 лет, в 1981 году, в урезанном виде он увидел свет [13].

Неизменное уважение к собеседнику, сотруднику и пациенту, обязательность и деликатность, за которыми осязаемо чувствовались подлинная культура, интеллигентность и благородство, дорожащие чувством собственного достоинства и достоинства своих партнеров, постоянно вызывали глубокую симпатию к В.Н. Я думаю, что бескорочное пребывание в член-корпорах Академии педагогических наук задевало его. А уж кто как не он заслуживал присвоения ему звания действительного члена АПН!

Чувство ответственности и обязательность обернулись трагедией для Владимира Николаевича, его близких и сотрудников. 4 октября 1973 года он с утра почувствовал себя плохо — ныло под лопаткой, голова была тяжелой. Маргарита Александровна, его жена, предложила ему отменить лекцию, но он не согласился. Во время чтения лекции ему стало плохо, и еще до приезда скорой помощи он скончался от сердечной недостаточности.

Статьи и книги, щедрые мысли о системе отношений между людьми, как психологическом и социальном содержании личности и межличностного общения, неизменно вызывают в памяти светлый облик Владимира Николаевича, скром-

ного, обаятельного, глубоко эрудированного ученого, прекрасного врача-клинициста, организатора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бехтерев В.М. Общие основы рефлексологии. Л., 1926.
2. Брушлинский А.В. Психология мышления и кибернетика. М., 1970.
3. Вайн А.М., Каменецкая Б.И. Память человека. М., 1973.
4. Клацки Р. Память человека. Структура и процессы. М., 1978.
5. Ковалев А.Г., Мясищев В.Н. Психические особенности человека. Т. I. "Характер". Т. II. "Способности". М., 1957, 1960 гг.
6. Лазурский А.Ф. Классификация личностей. Пг., 1921.
7. Мясищев В.Н. Психологическое значение электронной характеристики человека // Психологические исследования Госуд. Инст. По изучению мозга им. В.М. Бехтерева (том IX). Л., 1939.
8. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л., 1960.
9. Мясищев В.Н., Готсдинер А.Л. Влияние музыки на человека по данным электроэнцефалографических и психологических показателей // "Вопросы психологии". 1975. № 1.
10. Мясищев В.Н., Готсдинер А.Л. "Что есть музыкальность?" // Советская музыка. 1975. № 2.
11. Мясищев В.Н., Готсдинер А.Л. Проблема музыкальных способностей и их социальное значение // Роль музыки в эстетическом воспитании детей и юношества. Л., 1981.
12. Планк Макс. Научная автобиография // К столетию рождения Макса Планка. М., 1958.
13. Роль музыки в эстетическом воспитании детей и юношества // Ред.-состав. А.Л. Гостдинер. Л., 1981.
14. Склонности и способности / Отв. ред. чл.-корр. АПН РСФСР, проф. Мясищев В.Н. ЛГУ, 1962.
15. Проблемы способностей / Отв. ред. чл.-корр. АПН РСФСР, проф. В.Н. Мясищев. М., 1962.
16. R. Franse. La perception de la Musique. Paris, 1958.
17. Christoph Schwabe. Musik-therapie bei Neurosen und funktionellen Störungen. Jena, 1972.

А. Готсдинер,
действительный член
Международной педагогической Академии
и Академии педагогических и социальных наук,
доктор психол. наук